



КРАЕВЫЕ СОРОКОВЫЕ



ПОБЕДА!
1945–2020

Фронт в тылу

С кем и как воевала красноярская милиция

Привычное разделение страны на фронт, который сражался, и тыл, который трудился с предельным напряжением сил, нуждается в одной поправке – у тыла тоже был свой фронт. Только воевать надо было не с армиями Германии и ее сателлитов, а с внутренним врагом – дезертирами, бандитами, спекулянтами.

Количество потерь и жертв несопоставимо, но важность этой борьбы невозможно переоценить – хотя бы потому, что развал тыла является одной из основных причин военных поражений.

Добровольцам – отказать

О напряжении, которое было на этом «тыловом фронте», говорит один факт – официально рабочий день сотрудников милиции Красноярского края во время войны составлял 13 часов, то есть больше, чем на предприятиях. Фактически же работали по 18–20 часов.

Причина – острейшая нехватка кадров. В 1941–1942 годах около трех с половиной тысяч сотрудников милиции ушли на фронт, в том числе более 500 руководящих работников. Добровольцев же было значительно больше, чем отбывших в армию. Один из них, сотрудник Тюхтетского районного отделения НКВД А. М. Крупской, писал в рапорте: «Я участник боев на Халхин-Голе, за мужество и отвагу награжден орденом Красного Знамени. Всегда готов пойти в бой против фашистских кровавых



Руководящий состав УНКВД по краю. 1944 год

псов. Буду громить их до последней капли крови, применяя свой боевой опыт».

Неизвестно, попал ли Крупской на фронт, но большинство добровольцев получали от военкоматов отказ – попросту работать было некому.

Освободившиеся рабочие места заняли вчерашние школьники, проходившие краткие курсы подготовки, женщины и бывшие милиционеры, ушедшие со службы по возрасту. Каждый сотрудник с опытом, особенно в сфере уголовного розыска, становился на вес золота, и потому самая распространенная просьба местного милицейского начальства к вышестоящему – прислать специалиста. А кроме того, спектр ответственности тогдашнего наркомата внутренних дел был очень широким – от пожарной безопасности и охраны общественного порядка до борьбы с агентами иностранных разведок.

Банды дезертиров

Специфическим видом преступности военного времени стали лесные банды, состоявшие из дезертиров, уклонистов, беглых заключенных, идейных противников советской власти. Историк Влади-

мир Печерский в статье «Борьба с бандитизмом в Сибири в годы Великой Отечественной войны» пишет, что к 1 марта 1942 года НКВД СССР было известно о 70 бандах, в которых насчитывалось 377 участников, и 89 бандитах-одиночках. В Красноярском крае в феврале того же года были ликвидированы две такие банды, под предводительством Круглова и Звайзы; еще две преступные группы, орудовавшие в Хакасской автономной области и на золотых приисках, обезврежены в марте, затем еще две группы в северных районах края, затем три банды в Ачинском районе... К июлю были разгромлены девять преступных группировок, состоявших из 26 человек, арестованы 27 бандитов-одиночек, четверо убиты при задержании...

Это лишь немногие эпизоды милицейской работы того времени. Огромные лесные пространства укрывали тех, кто не хотел ни воевать, ни трудиться, кто прятался от правосудия, дезертировал из действующей армии. Основная «специализация» таких ОПГ – дорожный разбой, кражи колхозного скота. Некоторым удавалось промышлять почти до конца войны, как, например, банде Юрика Вагеля, обезвреженной в Бирлюкском районе.

Педагог и писатель из Северо-Енисейского района Александр Анатольевич Кржижановский рассказывал о том, что жители отдаленных уголков были практически беззащитны перед бандитами: «Люди золотой тайги особенно остро это чувствовали: удаленность приисков друг от друга, бездорожье, отсутствие зачастую телефонной связи, малочисленность населения золотого прииска, отсутствие многих мужчин делали семьи подчас бес-

помощными в обезвреживании разгулявшихся по тайге банд. Даже родная тайга для сибиряков, каждый ее знакомый-презнакомый уголок сеяли страх перед жителями. Женщины боялись ходить в лес без сопровождения мужчин даже группами, выйти в лес в одиночку мужчине с ружьем – это значило положиться на самого себя в случае, если на него вдруг выйдут какие-то люди».

Эта «таежная война» целиком ложилась на плечи сотрудников НКВД. К концу войны бандитизм пошел на спад – сказались энергичные, решительные действия милиции, а кроме того, победа в войне становилась все большей очевидностью. Многие лесные бандиты это понимали. Все чаще случалось, что дезертиры и уклонисты сами выходили из тайги и сдавались властям. Так, в мае 1943 года сдалась банда из десяти дезертиров в том же Бирлюкском районе. Почти все они были отправлены в штрафные батальоны.

Темные переулки и дела

Однако помимо уклонистов, дезертиров, идейных противников власти, были еще и самые обычные «профессиональные» уголовники, бежавшие из лагерей или скрывающиеся от правосудия. Они орудовали в городах и пригородах – грабили склады, магазины, прохожих на темных улицах, убивали.

К началу 1942 года преступные группы были ликвидированы под Канском, на правобережье Красноярска. В районе завода № 4 – нынешний Красмаш – криминогенная обстановка оказалась настолько сложной, что в рабочем поселке был выставлен круглосуточный милицейский пост, организовано патрулирова-

ние силами местных жителей, а сотрудники отдела по борьбе с бандитизмом в течение одной недели ликвидировали три воровские группировки, задержали 14 воров-одиночек.

Особо ценной вещью в годы войны становятся продовольственные карточки – их подделывали, ими спекулировали, за них могли убить... Известен случай, когда женщина-грабительница, проникнув в квартиру, убила семилетнего ребенка из-за семи карточек на хлеб. Чтобы пресечь вал подделок, карточки стали выпускать только в одной типографии «Красноярский рабочий», причем на особой бумаге, почти как денежные купюры.

Спекуляция, которая по советским законам и в мирное время считалась преступлением, с началом войны начала набирать обороты: спекулировали табаком, алкоголем, обувью, продуктами и вообще чем только можно. Только за май 1942 года было возбуждено более 70 уголовных дел против спекулянтов, арестовано 58 человек. Общая стоимость изъятого товара составила 65 тысяч рублей. Правда, милиция не ко всем занимавшимся подпольной перепродажей относилась одинаково. Красноярец Василий Спялов вспоминал, как, будучи подростком, спекулировал диким луком, который покупал у рабочих лесопилки на месте нынешнего торгового центра «Красноярье», и потом продавал впятеро дороже в центре города: «И выходило у нас 200–250 рублей. В такие дни мы могли купить булку хлеба или ведро картошки».

Милиция на таких вечно голодных «дельцов» особого внимания не обращала – куда большей опасностью для них была местная, столь же голодная, шпана, которая могла и накостылять, и выручку отобрать.

Разумеется, здесь не упомянуть и тысячная доля того, с чем пришлось столкнуться стражам порядка в военные годы. Они получали боевые награды, гибли – как, например, начальник Красноярского угрозыска Василий Никитевич Романенко... Факт, что работу свою они выполняли так же самоотверженно, как и те, кто делал пушки, снаряды, растил хлеб. А кадровый дефицит в милиции после Победы начнут восполнять вчерашние фронтовики, люди особой закалки...



Сотрудники одного из районных управлений НКВД в Красноярском крае. 1940-е годы

Иван ПЕТРОВ
При подготовке статьи использованы материалы интернет-энциклопедии Красноярского края